

Сергей
ПИЧУРИЧКИН

ТЕМНАЯ АЛЛЕЯ

*Август и впрямь
заканчивается звездопадом...*

18+

Сергей Пичуричкин

Темная аллея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43368651

SelfPub; 2019

Аннотация

И мы решили встретиться во сне. Назначили место встречи: старая улица одного городочка, в котором мы однажды остановились на ночь, проезжая по трассе Москва–Минск. Решили встретиться возле покосившегося забора около двух часов ночи. Точнее, около двух часов ночи наших спящих тел. Что же касается наших мозгов, то встретились засветло. И пошли гулять... Бродили, ощущали, глядели друг на друга, чувствовали, обменивались знаниями и чувствами, буйно разговаривали, так и не проронив ни слова... Когда я проснулся, за окном стоял полный день. С тех пор мы назначали свидания во снах чаще, чем просматривали почту в Интернете.

Мой город – Москва. Москва – прекрасная, шумная, величественная, известная всему миру. Двухэтажный же городок Озерный в Уральском регионе, то ли город, то ли поселок, расположенный между райцентром и центром областным, между полем с рекой и лесом с полянами, один из нескольких тысяч городов российских, отмеченных на картах с масштабом 1:100 000, а на картах с масштабом 1: 250 000 уже не отмеченный, – это ее город.

Меня зовут Сергей. Ее зовут Наташа. Мне двадцать семь. Ей – девятнадцать. У меня двое детей, чудесная, надежная жена, у нее Николай – молодой человек, месяц назад вернувшийся из армии, за которого она так и не вышла замуж, но с которого начался ее путь в теле женщины. У нее планы на жизнь. У меня – жизнь с планами. Ей многое интересно и много хочется. Мне все чаще бывает скучно, хочется сидеть дома перед телевизором и пить «Мартини». Как там у Бродского? «Теперь все чаще чувствую усталость, все реже говорю о ней теперь». Мне все чаще становится интересен исход футбольных матчей.

Как нас угораздило со всем этим встретиться на пересечении проезда Кирова и улицы Парковой июньским вечером в ее маленьком городке, мне до сих пор не совсем понятно, но я абсолютно уверен, что в этом, скорее, Божий промысел, чем происки Лукавого. Мне хочется так верить, значит, так и есть.

Ее голубой сарафан с глубоким вырезом на спине казался

оторванным кусочком неба (так похожи они были цветом!), накинутым на сгусток моих желаний. Причем желания были какими-то давними, давно уже просочившимися сквозь плоть моего подсознания и затвердевшими янтарной смолой моих фантазий. Или это просто была хорошенькая молодая девушка, одетая в синий сарафан и пытавшаяся остановить машину. Янтарная девушка в синем шелковом небе...

«Ну вот, начинается», – констатировал мой мозг, едва эта девушка выплыла из-за угла буро-красного кирпичного дома и предстала моему взгляду, и мне пришлось тут же, возле красно-бурого кирпичного дома с номером 23, признаться, что не подойти к ней я не могу. Точнее, мне пришлось признаться, что именно к ней я шел последние полчасика, направлялся этим днем, стремился все дни моей жизни... «Как сперматозоид стремится стать человеком», – пошловато сьюродствовал мой любимый мозг, наверное, для того, чтобы отвлечь меня от осознания, что я уже стою напротив нее... Кто бы мог подумать, что в тот самый миг, когда я подрулил к ней прямо вот так, без особой подготовки, со всего разворота, на той самой скорости, с которой шел, и почти подошел к ней, и почти спросил: «Не ловится?» – она повернулась ко мне и, опираясь на левую лямку, удивленно так заметила: «Не ловится...»

Я улыбнулся. Улыбнулся известно чему. Она улыбнулась. Чему – неизвестно. Я улыбнулся еще раз. Я протянул вперед правую руку, ладонью вниз протянул, будто накрывал голову

маленького мальчика.

– Сергей...

– Наташа, – ответила она и подсунула свою ладонь под мою. – Сережа?

– Сережа, – согласился я.

С водителем сошлись на пятидесяти рублях. С Наташей вышли из машины вместе. Машина уехала. Прошли несколько шагов. Дошли до колонки. Наташа остановилась, повернулась ко мне и, чуть подняв лицо, повторила вопрос, на который я не успел ответить в машине:

– Так когда ты уезжаешь домой?

– Через три дня.

– В четверг?

– В пятницу...

– Давай завтра встретимся. Сегодня я не могу.

– Обманешь.

– Как знаешь... В шесть вечера недалеко от Вечного огня, он у нас один в городе, справа стоят две сосны и две лавочки. На одной из них буду сидеть я.

– Обманешь?

– Как знаешь...

Она обманула на пятнадцать минут. Я купил пять гвоздик: три красных, две белых. Она пришла в длинной (до пят, до подошв туфель), черной (искрящейся на солнце серебряным снежком), узкой (по всей длине по левой стороне приятный разрез) юбке, на каблуках (не видных под юбкой), в желтой

(мужского покроя) рубашке, перевязанной тонким лакированным ремешком. «Лямок от верхнего белья под рубашкой не наблюдается», – крикнул в очередной раз мозг мой и в этот день меня больше не тревожил.

И присели...

Мы проговорили минут десять. Ни о чем, в общем, проговорили. И все, в общем, сказали...

– Ну, и теперь? – спросил я и встал с лавочки.

И теперь самое время рассказать про лицо, и волосы, и шею, с тонкими чертами лицо, и глаза, худую, в общем-то, шею, и губы, прекрасные глаза, хоть и карие, белые волосы, светлые, но не крашенные, а натуральные, длинные, и щеки, бледные щеки, и не очень полные губы, и не очень тонкие, и все это такое влекущее, манящее, манящее...

И теперь самое время рассказать о том, как она улыбалась, но об этом рассказать невозможно, потому что нет таланта у меня описать то, на что с первого мига невозможно было смотреть, а можно было сразу, с первого этого самого мига, лишь запоминать или ловить взглядом, глотать своим настроением, как рыба глотает ртом воздух, а запомнив, уже невозможно было стереть из памяти, а возможно лишь было вспоминать беспрестанно, с некой грустью и радостью вспоминать. Однажды я видел, как снимали кино, и режиссер делал несколько пробных дублей, прежде чем сказал: «Все! Снято!» (все снято). Но если бы режиссер увидел ее улыбку и ее лицо, то он (режиссер) сразу же, с первого

дубля, едва увидев эту улыбку, боясь потерять мгновение, крикнул бы: «Камера! Мотор! Все! Снято!» И не важно, что режиссер до этого представлял абсолютно другую улыбку. Важно, что, увидев ее (Наташину) улыбку (Наташину улыбку), он сразу понял, что представления его, все, что он представлял, — это все не то, а то, что он увидел, — это и есть самое то, что нужно, что он интуитивно искал, но до сих пор не мог подобрать в миллионах других улыбок (улыбок других). Но если ты все еще ждешь слов про Наташину улыбку, то слова — вот они: она улыбалась и словно с улыбкой этой одновременно вдыхала всем своим лицом воздух, солнце, аромат хвои и мою, ставшую с этого момента жизненно необходимую потребность любоваться ее послушной улыбкой. В ее улыбке щебетали птицы и жила надежда матери, в ее улыбке питались внешними водами расцветающие травы и мать баюкала свое первое дитя, в ее улыбке покоились мои надежды и мои наслаждения, в ее улыбке таился замысел Создателя и проделки Домового, в ее улыбке я нашел покой своего сердца и радость своих глаз...

И теперь самое время описать рост её, и вес, и объем талии, и то, что она не любила прикрывать бельем, но что так аккуратно умещалось у меня в ладони, потому что потом описать будет уже сложно, потому что именно сейчас надо тебе понять, что же такое она разбудила во мне, пока вдыхала мои гвоздики и улыбалась (вдыхала и улыбалась, улыбалась и вдыхала), и стала вдруг сразу, в одно мгновение, род-

ной, знакомой (нет, не знакомой), известной и понятной стала эта девочка – озёрная студентка Наташа, с её открытым, чистым лицом, и этой улыбкой, и манерой идти, с ее речью – ты сейчас будешь или когда? – с одеждой, которая так только на ней сидела, с ветром в душе и свежестью во взгляде и голове. И рост ее, и вес, и объем талии – все это было настолько пропорционально и аккуратно слеплено, что... однажды мне один художник сказал: «Настоящий гений – это тот художник, который рисует картину так, что в нее нельзя ничего добавить». Понимаешь? Нечего добавить. Не убрать. Не изменить. А именно добавить. Ты видел вишенку? Ты присматривался к ней? Ты пробовал добавлять что-нибудь к вишенке... я не про сахар, я про форму... Наташа не понимала, почему я иногда называл ее «вишенкой». Она думала, потому что она сладкая. Да, она сладкая, но ты теперь знаешь, почему «вишенкой»...

И теперь самое время описать (как обещал) ее походку. Не было у нее походки. Была поляна с высокой травой, и был ровный энергичный ветер теплого дня. Ветер, который живет во всем воздухе планеты своим спокойствием, а здесь, на этой поляне, он обретает предназначение перекачивать траву своими широко распластанными ладонями. И ветер перекачивал траву своими касаниями: мягко и уверенно, идеальными волнами перекачивал ветер траву – туда перекачивал, сюда перекачивал, туда, сюда... Ветер и трава – это и была её походка.

Но самое время сказать про самое главное. И, может быть, удивительное. При всем том, что я описал выше, она не была красивой. Да, это так. Я ни разу, нет, было все-таки, но об этом значительно позже, я ни разу не смог назвать ее красивой (ни вслух, ни про себя). Она не была красивой. Она была прелесть. Она была наслаждение. Она была аккуратненькая и сбитенькая. Про таких говорят «хорошенькая». Не «чертовски хороша», а «хорошенькая». Вся ее внешность, манеры ее, и речь, и одежда, и тело излучали не красоту. Прелесть и наслаждение они излучали. И она (Наташа, Наташка, Натаха, Наташенька, Вишенка) была сама этим самым наслаждением. Наслаждением, которым с того самого момента наполнилась моя жизнь.

И теперь самое время про речь ее...

– Ну, и теперь? – переспросила она и тоже встала.

И я поцеловал ее.

– Что, прямо вот так?

– Как?

– Сразу?

– Сразу...

– Как знаешь...

И прогнула спину... Прижалась животиком к моему ремню, отставив назад ногу, запрокинув назад голову, прогнув еще немного тело полумесяцем. Вдруг провернулась вокруг себя (как юла) еще пол-оборота, повернулась спиной (ко мне), прогнулась (уже несильно), затылок лег на плечо (за-

мок моих ладоней лежал на ее животике), положила свои ладони на мои руки, постояла... Немного совсем постояла... отлепилась и села. Я сел рядом. И мы проговорили до утра... О чем? Ты не знаешь, о чем говорят в такие часы? О ней. Обо мне. О нас. О природе. О погоде. О мечтах. О судьбе. О любви. О жизни. О стихах. О ветре. О прохожих. О книгах. О школе. О поцелуях. О песнях. О фильмах. О снах. О городскопах. О линиях жизни. В общем ни о чем, сказав все...

И пошли домой. Не по домам, а домой. К ней. В тот двухэтажный дом у колонки. Пришли с рассветом. Уснули с полднем. Проснулись с закатом. Расстались с любовью в душе и усталостью в теле. Через два дня...

Хочешь знать, как мы провели эти два дня? Не хочешь ты знать, потому что и у тебя были эти два дня. У каждого из нас были такие два дня. Я любил ее, имел ее, обожал ее. И она имела, обожала, любила меня. А потом мы разошлись, чтобы любить, иметь и обожать не на кровати, на столе, в ванной, на полу или в прихожей, а любить, иметь и обожать сквозь жизнь. На всех ее поворотах, плоскогорьях, ухабах и закоулках. Как в шахматы китайцы заложили проекцию всей жизни, так в этих двух днях мы заложили все, что ждало нас впереди. Любить, иметь, обожать... Во всех глубинах этих слов.

Как прошли следующие месяцы? Письма, письма, письма, телефонные звонки, очень много телефонных звонков, письма в конвертах, письма электронные по Интернету, письма

ненаписанные, звонки, мечты и стихи. Когда не помогали мои стихи, помогали стихи Гумилева, Мандельштама, Ходасевича, какого-то Антона Ершова, выловленного в паутине Интернета. Бездарные, в принципе, стихи Ершова, но пара из них оказались настолько к месту, что я послал их Наташке.

Как прошли следующие месяцы для нее? Я прочитаю тебе. Только тебе одному в первый и последний раз:

«...ты мне приснился. Я много думала и решила, призналась, что ты приснился мне».

Еще прочитаю:

«...если долго находишься в холодной комнате, начинаешь привыкать к холоду, тебе кажется, что тебе тепло, что так и должно быть. Потомходишь в теплую комнату и понимаешь, как же было холодно. А можно наоборот: войти в очень, очень, очень холодную комнату, померзнуть в ней до самых косточек, а потом вернуться туда, где была, – просто в холодную комнату – и тебе покажется, что стало тепло. Покажется, что стало тепло. Но только когда по-настоящему тепло, тогда не кажется. Когда мне стало тепло, с тобой мне стало тепло, я вдруг поняла, что была все эти годы в холодной комнате и просто привыкла к холоду. Я поняла, что мне казалось, что мне тепло. Теперь я знаю, где по-настоящему тепло. В те-бе. А сейчас... сейчас мне очень, очень, очень холодно. Но я не хочу возвращаться туда, где было просто холодно, чтобы думать, что стало тепло. Потому что я, Се-

режа, теперь точно знаю, как это – по-настоящему тепло».

Вот слушай еще:

«Как часто просыпаюсь я с ощущением тебя внутри. Только не надо опошлять, представляю сейчас твою саркастическую улыбку. Внутри моей души. Мне кажется, что ты... в тот самый миг, когда открыла я глаза свои, вспорхнул, как птичка, из моей души и полетел куда-то в новый день, чтобы, налетавшись вдоволь, начирикавшись, наклевавшись хлебных крошек, опять прилететь и зарыться в мою душу, в мое сердце. Мне кажется, птичка моя, это твои перышки, это твой пушистый комочек греет мое сердце».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.